

— Не хватит, — сказал Юй Бай. — После выплаты штрафа за расторжение контракта останется убыток, зарплату нечем платить, цепочка финансирования для двух школ специального образования, которые ты регулярно поддерживаешь, тоже оборвётся, и благотворительный проект для инвалидов придётся свернуть...

— И ещё сестра Сюй, — продолжил Юй Бай. — Это она когда-то тебя раскрутила и ради тебя перешла в студию, расставшись с прежним работодателем. Теперь она не сможет вернуться, и, вероятно, останется независимым агентом. Кроме тебя, у неё сейчас нет ни одного артиста. Она занята улаживанием последствий прошлого выступления... — Юй Бай замолчал, словно подбирая слова. — Она только сегодня увидела этих юристов и спросила меня, что происходит... Я... Я не знал, что сказать... Бай Гэ, скажи, как мне ей объяснить?

Это был скрытый упрёк, разоблачающий все мелочи и показывающий Чжун Гуаньбаю: смотри, вот что произойдёт, если ты уйдёшь. Ты действительно готов принять такое решение?

Чжун Гуаньбай держал телефон в правой руке, а пальцы левой руки с силой растопырились, словно пытаясь схватить что-то невидимое в воздухе. От напряжения пальцы начали дрожать, а на тыльной стороне руки выступили вены.

Чжун Гуаньбай дошёл до того, что его имя уже не означало только его самого.

За его спиной стояло столько людей, что их уже не сосчитать.

Пожертвовать собой — это героизм, и это часто не так сложно. Тяжелее пожертвовать другими. Желających изменить что-то — тысячи, но перемены всегда сопровождаются болью, и большинство не выдерживают.

Юй Бай на другом конце провода молчал, а затем раздался звук трения ладоней, словно он прикрыл микрофон.

Из телефона доносились неразборчивые слова Юй Бая, он, видимо, успокаивал кого-то:

— Ничего, ничего, всё будет хорошо... Не плачь... Я сказал... Не плачь! Хватит плакать!

Прошло много времени, прежде чем в трубке раздался сдержанный голос Юй Бая.

— Бай Гэ... Я спрошу тебя ещё раз.

— Ты правда уходишь?

Чжун Гуаньбай закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

Лу Цзаоцю повернулся. Губы Чжун Гуаньбая были бескровными, подбородок напряжён, а поднятая шея казалась бледной и хрупкой, как у лебедя в клетке.

Чжун Гуаньбай открыл глаза и посмотрел на Лу Цзаоцю.

Его взгляд был таким же нежным, как и раньше.

Чжун Гуаньбай протянул руку и переплёл пальцы с Лу Цзаоцю.

Глядя на Лу Цзаоцю, он сказал в трубку:

— Я не знаю.

Юй Бай, словно приговорённый к смерти, услышавший слова «остановить казнь», торопливо спросил:

— Что значит «не знаю»?

Чжун Гуаньбай, не отрывая глаз от Лу Цзаоцю, снял телефон с уха и нажал на кнопку громкой связи.

Взволнованный голос Юй Бая заполнил весь салон.

— Бай Гэ, что значит «не знаю»? Ты остаёшься?

Чжун Гуаньбай смотрел на Лу Цзаоцю, который оставался спокоен, без тени эмоций.

— Дай мне подумать, — сказал Чжун Гуаньбай.

— Значит, ты остаёшься, ты остаёшься, — Юй Бай вдруг заплакал.

— Дай мне подумать, — Чжун Гуаньбай повесил трубку.

Он передал телефон Лу Цзаоцю, который, посмотрев на него, молча вышел из машины.

Чжун Гуаньбай тут же последовал за ним. Его взгляд следил за фигурой Лу Цзаоцю, а в глазах царил хаос.

Лу Цзаоцю подошёл к водительскому месту и сказал:

— Я поведу. Сначала поедem к господину Вэню, уже поздно, чтобы его не беспокоить.

Чжун Гуаньбай кивнул и молча прошёл к пассажирскому сиденью.

Вскоре они подъехали к дому Вэнь Юэаня.

Ворота были открыты, и прозрачный ручей струился по разноцветным камням во дворе, а несколько карпов кружили вокруг лотоса.

На деревянном столике у ручья стояла шахматная доска с незавершённой партией.

Чжун Гуаньбай вошёл и крикнул:

— Учитель!

Из отдельно стоящего дома в глубине двора донеслись звуки фортепиано.

Чжун Гуаньбай замер. Это была очень простая детская мелодия — «Маленькая звезда».

Дверь была не заперта, и Чжун Гуаньбай вошёл внутрь.

Человек, чей возраст было трудно определить, сидел в инвалидном кресле. Его волосы были аккуратно причёсаны, а на нём был длинный синий халат, словно он сошёл с фотографии времён Республики. На вид ему было чуть больше тридцати, но его глаза и весь облик говорили о прожитой жизни, и казалось, что ему могло быть и за пятьдесят.

Мужчина смотрел телевизор.

На экране шла не телепрограмма, а запись с низким качеством изображения и фоновым шумом, явно принадлежавшая другому времени.

В правом нижнем углу экрана виднелись старые красные иероглифы: «Благотворительный сольный концерт Вэнь Юэаня».

На экране молодой человек сидел за роялем и играл «Маленькую звезду».

Затем камера переключилась на ведущую, которая с улыбкой сказала залу:

— Сегодня здесь много детей, изучающих фортепиано, поэтому Вэнь Юэань сыграл для вас «Маленькую звезду». Есть ли среди вас те, кто тоже умеет играть эту мелодию? Давайте

сыграем вместе с Вэнь Юэанем!

Камера показала зал, где множество детей подняли руки. Ведущая искала заранее подготовленного ребёнка, но не успела его выбрать, как на сцену выбежал маленький мальчик.

Ведущая смущённо посмотрела на Вэнь Юэаня, но тот спокойно сказал мальчику:

— Подойди сюда.

Мальчик подбежал и сел на табурет, его ноги болтались в воздухе, не доставая до пола.

Вэнь Юэань сказал:

— Сыграй сначала ты.

Мальчик посмотрел на чёрно-белые клавиши, словно перед ним было сокровище, о котором он мечтал, но никогда не мог получить.

Он осторожно положил правую руку на клавиши и одной рукой сыграл простую мелодию.

— Неправильно! Нужно двумя руками! — крикнул кто-то из зала.

Мальчик, сидевший рядом с Вэнь Юэанем, испугался и сразу убрал руку. Вэнь Юэань посмотрел на него с успокаивающим взглядом и поднял левую руку, продолжая играть мелодию, но без основной партии.

Мальчик долго смотрел на Вэнь Юэаня, а затем осторожно протянул правую руку и продолжил играть вместе с ним.

Вэнь Юэань наклонился к мальчику и сказал:

— Давай ещё раз.

Мальчик неуверенно протянул обе руки и начал играть, запинаясь.

Он ошибся, и Вэнь Юэань подхватил неправильную ноту, продолжая играть. Импровизация текла плавно, как специально написанная вариация.

Закончив, Вэнь Юэань спросил мальчика:

— Ты впервые играешь на фортепиано?

Мальчик смутился и хотел убежать со сцены, но он был слишком мал, и, спрыгнув с табурета, чуть не упал. Вэнь Юэань протянул руку, чтобы поддержать его, и мальчик, отшатнувшись, коснулся его бедра.

Мальчик испугался и с удивлением посмотрел на Вэнь Юэаня.

Это было не бедро. Штаны Вэнь Юэаня были пусты.

Ведущая, поняв, что что-то не так, быстро подошла, чтобы увести мальчика:

— Мальчик, наш конкурс закончен, ты можешь вернуться на своё место.

Вэнь Юэань крепко поддержал мальчика, оставаясь спокойным.

Мальчик посмотрел на Вэнь Юэаня и сказал:

— Я знаю, почему у тебя нет ног.

Лицо ведущей исказилось, но Вэнь Юэань спокойно спросил:

— Почему?

Мальчик ответил:

— Потому что у тебя самые лучшие руки в мире.

— Учитель!

Человек в инвалидном кресле повернулся и увидел Чжун Гуаньбая, стоящего у двери.

— Ах, А Бай пришёл, — сказал мужчина.

На экране Вэнь Юэань спросил:

— Как тебя зовут?

Мальчик протяжно ответил:

— Чжун Гуаньбай!

— Чжун — как «верность», Гуань — как «горы», Бай — как «белый снег».

Вэнь Юэань повернул голову, словно прислушиваясь:

— Цзаоцю тоже пришёл.

Лу Цзаоцю вошёл в комнату и кивнул:

— Господин Вэнь.

Вэнь Юэань кивнул Лу Цзаоцю, а затем сказал Чжун Гуаньбаю:

— А Бай, давай сыграем.

В последние годы здоровье Вэнь Юэаня ухудшилось, и два-три года назад он сказал Чжун Гуаньбаю, чтобы тот не приходил. Чжун Гуаньбай давно не был здесь, и теперь, приехав по такой причине, он едва мог поднять голову.

Слова Вэнь Юэаня «давай сыграем» были такими же, как много лет назад, когда Чжун Гуаньбай, ещё не доросший до фортепиано, приходил на уроки с нотами в руках.

<http://bllate.org/book/15543/1382807>